

Екатерина Сергеевна Васильева живет в доме, архитектура которого символизирует величие советской эпохи. Это высотное здание гостиницы «Украина» стоит на берегу Москвы-реки точно напротив «Белого дома», где советскую власть расстреляли. Из окна кухни квартиры Васильевых видно все как на ладони — «Трехгорку», улицы Дружинниковскую, Заморенова, на которой на рассвете 4 октября 1993 года появились танки. «Вот отсюда, — показывает Екатерина Сергеевна, — танки и шли, здесь гонялись за убегающими от пуля, безоружными людьми, здесь людей добивали...».

А поводом к нашей встрече стал юбилей этой прекрасной актрисы, как-то особенному любимой и простыми людьми, и выдающимися режиссерами мира, и отечественными. Актриса! Обладательница приза «Хрустальная Турандот».

Однако в жизни Екатерины Васильевой этот юбилейный год отмечен не только столь высокой профессиональной наградой. Он стал для нее рубежным: именно в этом году она разорвала контракт с Петером Штайном, режиссером грандиозной постановки «Орестея», которую во многом прославило участие в ней в роли Клитемнестры. Екатерины Васильевой. Но порвала она не только со Штайном. Актриса вообще покинула сцену.

Тишину дома разорвал телефонный звонок. Екатерина Сергеевна подошла к телефону, и до меня донеслось слово «съемка». Положив трубку, она объяснила: это «хвосты», я снималась в «Королеве Марго», сейчас идут досьежки. Потом устало вздохнула и добавила: «Ведь есть

Екатерина Васильева и Людмила Зайцева на съезде движения «Духовное наследие».

Екатерина ВАСИЛЬЕВА:

Сов. Россия, - 1995. - 29 авг.

Противостоять

РАСТЛЕНИЮ

обязательства перед семьей, близкими».

С самого начала Екатерина Сергеевна ясно определила точку отсчета: ее личная судьба — это безусловное следствие трагедии Родины, судьба, воспринимаемая ею как личная ответственность за все то, что происходит с Россией. И мне подумалось: не многие так относятся к своей жизни.

— Если бы я не была известным человеком, — говорила Екатерина Сергеевна, — я давно бы никому и ничего не объясняла, и никто бы меня не видел и не слышал, потому что жизнь православного христианина бесславна. Но мы живем в атеистической стране, и мой уход из театра вызвал довольно острую реакцию. Тем не менее мой поступок — явление совершенно нормальное в православном мире, и если бы я была учительницей, или врачом, или делала бы конфеты, никому бы в голову не пришло спрашивать, почему я перестала врачевать или делать конфеты. Да я бы и не перестала, потому что эти профессии — не помеха православной душе. Работа актрисы — совсем другое дело. С моей точки зрения, Храм и лицедейство несовместимы.

Если бы не такая острая политическая ситуация в стране, возможно, я бы не покинула сцену. Мое воцерковление совпало с так называемой перестройкой и кошмаром, который в связи с ней утвердился в стране. Меня не покидало ощущение: что бы я ни делала, я несу ответственность за происходящее на нашей земле, я не могу абстрагироваться, отделить себя от трагедии Родины. Я не раз писала уже и говорила, что жизнь поставила всех нас перед выбором, высветила каждого. И так же, как в ночь перед расстрелом Верховного Совета России, одни пошли к «Белому дому» и погибли, как Миша Сидельников, а другие пошли к Моссовету, так и сегодня вся страна поделилась на тех, кто живет честно и потому терпит нужду и лишения, отправляет детей на войну, где их убивают, скитаются в толпах беженцев, и тех, по воле которых страдает и мучается страна. Это и есть раскол. Это и есть гражданская война, и идет она в первую очередь на духовном уровне, идет против нравственных норм жизни и законов, веками утверждавшихся в России. Это война беспощадная, это война не на жизнь, а на смерть. И очень страшно, что это не все понимают. Моя боль состоит в том, что люди живут бездумно, фантастически небрежно. Как можно не видеть и не понимать, что эта война касается всех?

— Но даже если люди и поймут, что это война, как же ее остановить?

— Надо вспомнить, как вели себя люди во время войны Отечественной. Кто мог — стрелял, кто не мог — копал окопы, сбрасывал с крыш фугасы, ухаживал за ранеными в госпиталях... И здесь для меня главный вопрос — вопрос долга. Чем я могу быть полезна в этой войне? Если бы это было несколько лет назад, я бы, конечно, была на баррикадах, в непримиримой оппозиции.

Потому что эта власть, если ей не противостоять, погубит все. Сейчас она камуфлируется, лицедействует и потому открывает храмы и монастыри. Но как они их открыли, так и закроют. И снова будут сажать и расстреливать, и, когда это начнется, я несколько не удивлюсь, потому что, если вдуматься в природу этой власти, этот кошмар хуже всякого «сталинского тоталитаризма». И литературу они запретят, православную и духовную, которая ясно показывает главную их цель — растление России и ее уничтожение. Мы — свидетели чудовищного разгула растлителей, и погибает в первую очередь молодежь, цвет и будущее нации, она погибает не только в войнах, ее косят соблазны, в Россию стянуты все пагубное, что только есть в мире. Растлением занимаются радио, телевидение, печатать, им занимаются на экранах кино и на подмостках театров. Нужно быть совершенно глухим и слепым, чтобы не понимать, что происходит. Почему же я должна пополнять отряд растлителей? По мере моего воцерковления я все меньше представляла для себя возможности совместного существования в Храме и в театре.

— Екатерина Сергеевна, тогда ответьте на такой вопрос: первая половина вашей жизни прошла в окружении интеллектуалов, ведущих актеров, режиссеров, ярких творческих индивидуальностей. Почему большинство из них мечтается, не находят внутренней точки опоры, а иные откровенно прислуживают власти?

— Я уже говорила, что сегодня каждый делает выбор. В предвыборной борьбе партии разбирают представителей творческой интеллигенции по своим «квартирам». Наша система общественных отношений устроена так, что актеры действительно очень значимые для общества люди. Им верят, за ними идут. Но ведь это какая-то великая перепутаница! С актеров берут пример! Почему? Вместо того чтобы брать пример с действительно нравственных людей, людей праведной жизни — священников, подвижников, — учителей, врачей. Нет, пример берут с артистов. А как они живут? Разве эта жизнь может быть примером? Актриса — профессия вторичная. Это не художник, и не писатель, не музыкант. В лучшем случае это интерпретатор. И через актера кто-то проводит свои идеи. Так зачем же я буду проводить какие-то сомнительные идеи, когда не проведена в жизнь самая главная идея — слово Божие, отраженное в святоотеческих писаниях, в откровениях старцев?

Вот где правда праведной жизни. Нет! Люди по какому-то совершенно непонятному признаку — и это все от лукавого! — за красоту, за обаяние, за дар какого-то, порой сомнительного остроумия, не знаю, еще за что, — эти люди становятся кумирами, самыми популярными, важными и известными людьми в стране. И все партии борются за то, чтобы на их съезде в президиуме обязательно сидели артисты. Да раньше артистов ко двору не пускали, это были шуты! Цель моей жизни — это спасение души, противостояние

растлению. Отец Иоанн С.-Петербургский и Ладонский призвал всех нас, кто может обратиться к людям со словом Божиим, делать это. Моя душа укрепляется в молитве, я получаю все милости от Бога и все наказания — тоже от Бога.

— Я помню, как мы впервые встретились с вами. Это было в артистической уборной во время спектакля — шла «Орестея». Вы готовились к выходу Клитемнестры. О! Какой вдохновенной была Екатерина Васильева в тот момент! Мне трудно поверить, что вы больше не выйдете на сцену. Вы можете объяснить этот резкий перелом в себе?

— Вот говорят: «Какая сильная актриса!». А это заложенный в человеке проповеднический дар. Я человек, который обладает очень сильным воздействием на массы. Человек страстный. И это и хорошо, и плохо. Люди, которые не знакомы с православными постулатами, думают: кончилась одна жизнь, началась другая. Это неверно. Грубо говоря, развие православной души идет по пути аскетизации. И весь смысл православного пути — освобождение от грехов, очищение души. Путь праведного совершенствования зависит от того, что человек выполняет обет самоограничения — в еде, во сне, в грехах, в страстях. По мере ограничений освобождается его душа. Единственный верный путь для человека и человечества — путь самоограничения. Запад духовно погиб оттого, что погряз в наслаждениях. И все наши несчастия происходят оттого, что мы живем, потакаем собственным желаниям. И если каждый из нас ограничит себя, спасется человечество. Эта элементарная истина и есть суть православия. Я не могу сказать, что не люблю свою профессию. Я очень ее люблю, больше того, я достаточно хорошо владею своей профессией и, когда чувствую на сцене себя мастером, испытываю истинное наслаждение. Но это губительно для православной души. А я выбрала путь христианки, я хочу жить по заповедям. Это узкий, скорбный, бесславный путь. Более того, это путь подвижничества. Отказ от театра, конечно же, жертва.

— Не очень ли высокую планку требовательности к себе вы поднимаете? Ведь если вспомнить русский театр дооктябрьской поры, то ведь все актеры были людьми православными, глубоко верующими, та же Ермолова, но они не погрязли в театре. Более того, Малый театр нес колоссальный просветительский заряд, недаром его называли вторым московским университетом. А «Альма матер», ваш МХАТ? Может быть, вы пережили нравственный надлом?

— Никакой драмы и никакого надлома не произошло. Но мы живем в стране, где ситуация экстремальная. Оставаясь в театре, я не вижу для себя способа быть полезной, помочь моему народу. В Храме я понимаю: моя помощь — молитва. Я говорила о баррикадах. Теперь я не могу туда уйти, потому что моя «баррикадность» и есть та же страсть, тот же наркотик. И в политиках я вижу ту же самую природу: они укрепляются в своем тщеславии, в своем честолюбии. А ощущение, что в стране происходит что-то чрезвычайно важное и ты не можешь в этом не участвовать, не про-

ходит. И для меня ключевой вопрос: где я нахожусь на сегодняшний день? В силу того, что наша страна живет в информационной блокаде и таким людям, как я, твердо избравшим свою позицию, к СМИ путь заказан, я даю это интервью и объясняю: та часть творческой интеллигенции, которая без конца мелькает на ТВ, есть на презентациях и пьет на разных правительственных «тусовках», — это лишь малая толика тех, кто был любим народом и не выдержал испытания. Они, ныне пьющие и жующие, стали проводниками сатанинской воли к растлению народа, когда материальное ставится на первое место. Для православных людей это противостоит, мы генетически православный народ. Это заложено в русских на уровне подсознания, для них всегда было самым важным — жизнь духа. Сейчас в стране происходит то, что нам совершенно несвойственно, — бесы унижают нас, загоняют в тупик, заставляют все время думать о хлебе насущном, и потому мы все время трясемся от нищеты. Миллионы людей загнаны в ловушку бесовства. Да, порой меня подмывает выйти на митинг, я понимаю, что смогу сказать лучше многих политиков, но для меня это все те же подлости. И не здесь решается история. Наше спасение — в утверждении православия. Если же нет, страна так и будет катиться в пропасть. Недаром Серафим Саровский

сказал: «Держи мир в душе своей, и вокруг тебя спасутся тысячи». Это знаменитая фраза, в ней сокрыт глубокий смысл: православие — тихая религия, смирение — это основное ее достоинство. Она сокровенна, и потому никогда не будет агрессивной, наступательной, не позовет к войнам и расправам. Только собственным примером жизни можно повлиять на людей. Мир погибает из-за того, что он погряз в удовольствиях. 24 часа в сутки Запад получает удовольствие — от природы, от погоды, от еды, сна, «секса». Это — извращение. И религия на Западе комфортна: никаких тебе служб не выстаивать, ни постов соблюдать — все для развлечений, вся жизнь — сплошной праздник. Этот стереотип всячески навязывают нам, нашей молодежи.

У человека два назначения в жизни — трудиться и молиться. Вся информационная рать брошена на то, чтобы погубить человека доброго, отзывчивого, работающего. И надо этому противостоять. Нет, я никого не призываю отказываться от творчества, уходить из театра. У каждого свой путь. Но недаром утвердилась и стала расхожей мысль: «Когда говорят пушки — музы молчат». Сейчас не время муз. Сейчас надо заниматься делом. Что же мы небо коптим, когда на войне погибают наши дети?! И как можно развлекаться, когда все это происходит в твоей стране? Какие премьеры, презентации? Они аморальные. Я не понимаю этого. Я вижу за этим только удовлетворение собственного удовольствия. Ах, как я замечательно сыграла роль! Ах, какой я сделал замечательный фильм! Ах, как я смог реализовать свою идею, которую, конечно же, запрещали... Я, я, я... Не надо это никому! Не гражданская это позиция! И это в то время, когда каждый день на экранах — кровавое месиво войны. Это на земле твоей Родины! Когда каждый день ты видишь на экране — помните, это же живые люди! — беженцев, каждый день камера выхватывает лица в детских домах, приютах, беспризорных... Нет, сейчас не до смеха и зрелищ! Нельзя, преступно проявлять равнодушие к тому, что мы видим. И если ты не можешь поехать на войну и там погибнуть, не берешь сироту в свой дом, не приютил беженцев, ты все равно должен соотносить себя с судьбой Родины, стоять на молитве.

В истории нашей Родины было так: три дня перед избранием царя Романова Россия постилась, три дня стояла на коленях в молитве — народ собирал силы души к решающему шагу. Сейчас мы снова погрязли в смуте, ищем выхода из нее. И мы будем жестоко наказаны, если не поймем, что живем в каком-то «пепельном» ощущении себя и не остановимся. Каждый гражданин России обязан потрудиться сегодня, понудить себя, ограничить. Я не отрицаю того, что культура и искусство должны развиваться, но нельзя при этом равнодушно взирать на боль и страдания своего народа. И если уж говорить о культурных приоритетах, то в первую очередь нужно думать о сохранении великого русского языка, нужно все силы бросить на поддержание образования и школы.

Интервью вела Галина ОРЕХАНОВА.